

ПОД ПОКРОВОМ НОЧИ

18+

Данила Шиянов

Под покровом ночи

<https://litres.ru/74631258>

SelfPub; 2026

Аннотация

Альбукерке. Пустыня, жара, одиночество. Ричард работает помощником адвоката, ходит к психологу и ждёт отца, который прилетает к нему по ночам. Когда исчезает его единственный друг, он начинает собственное расследование. И находит ответы, которые лучше было не знать.

Содержание

Глава	4
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Данила Шиянов

Под покровом ночи

Глава

Глава 1. Завтра он придёт

Меня зовут Ричард. Я с малых лет рос без отца. Только мама. На вопросы, куда он делся и кем был, она уходила от ответа или говорила, что он космонавт. Но по её лицу читалось недоумение, будто сам вопрос делал ей больно. Время шло. Каждый год, в день рождения или после, ко мне ночью прилетал он. Мой отец, о котором мама не любила говорить. Он брал меня на корабль, и целую ночь мы летали по Солнечной системе. Показывал космос, планеты, которые я бы никогда не увидел. Надевал на меня мини-скафандр, и мы выходили в открытый космос, ходили по Венере и спутникам других планет. Поначалу я думал, что всё это происходит со мной на самом деле. Но чем старше становился, тем больше это походило на сон. Сейчас мне двадцать восемь. Я закончил университет, живу один, работаю помощником адвоката. И, как положено ребёнку без отца, с малых лет наблюда-

ую у психолога. Мне говорят, с детства у меня диссоциативная амнезия на почве стресса. Живём мы в Нью-Мексико, Альбукерке. Сколько себя помню, дом для меня это пустыня, жара и одиночество, которое, как тень, следует по пятам.

С друзьями у меня не ладилось с детства. Я был изгоем, над которым издевались или вечно подшучивали в классе. В основном из-за того, что я наблюдался у психологов. Когда я был маленьким, меня спросили в классе, где мой отец. Я ответил, что он космонавт. Потом дети поняли, что отца у меня нет и я соврал. Ну и крышку гроба в это добивала моя мама. Она была немного чудаковатой и очень консервативной. Постоянно указывала, как вести себя, как здороваться. Если я неправильно выговаривал слово, она заставляла повторять его, пока не выйдет правильно. Проблем с речью или общением у меня не было. Я просто был замкнут и боялся говорить с кем-то напрямую. Для меня это сравни подвигу Геракла. Наверное, поэтому и были все вытекающие проблемы и одиночество. Но среди всего этого мрака был маленький лучик света. Её звали Эйприл. Она единственная, кто с раннего детства меня не боится. В начальной школе она всегда за меня заступалась и поддерживала. Но когда она перешла в старшую школу, я думал, что потерял её. К концу семестра после того случая, как её бросил парень, в школе покатались слухи, которые обрели подтверждение. Ей пришлось делать то, о чем девушки не очень любят говорить. Родителям она не сказала, я знаю, потому что в тот момент

она пришла в слезах именно ко мне. Эйприл была самой популярной в школе и встречалась только с самыми красивыми ребятами. Но чувства, что давно бурлят во мне, говорят: это не дружба. Только из-за парней, что постоянно кружат возле неё, и моей неуверенности мы стали лучшими друзьями. Мне кажется, она не видит во мне никого, кроме друга. Да и на что рассчитывать с таким характером и отрешённостью? К тому же я достаточно непривлекательный.

Все эти мысли я проговариваю каждое утро по дороге на работу, чтобы не словить очередной провал в памяти. Да, помимо той амнезии и истории с отцом, есть ещё микро амнезия. Она появляется под вечер или ночью. Поэтому психолог заставляет меня каждое утро проговаривать всю историю жизни, чтобы держать мозг в тонусе и не терять реальность. Так рекомендовал врач. Ещё вести дневник, что я делаю с пяти лет. Да, и я пока не адвокат, а лишь помощник, что бегаёт за делами и кофе для сотрудников. Здесь, как и в школе, меня считают странным и часто подшучивают. Даже сам начальник вечно издевается. Я долго учился в университете на адвоката. Мать всегда хотела, чтобы я им был. Именно она устроила меня сюда по старым знакомствам, что остались после молодости. И вот мне двадцать восемь. У меня проблемы с памятью, только мать и Эйприл, и эта нелюбимая работа, что приносит те же чувства, что и поход в школу. Чуть не пропустил свою остановку из-за мыслей, что навалились снежным комом перед бурей. И есть небольшой страх

перед тем, что случится завтра. С каждым годом после дня рождения провалы в памяти появлялись всё чаще, а завтра у меня снова день рождения. И в этот день всегда происходит какая-то непонятная путаница в голове. Врачи, мать и ребята в школе в один голос говорили, что никакого отца нет и всё я придумываю. Но сегодня ночью я подготовил скрытые камеры и аппаратуру, чтобы всё заснять. Чтобы больше ни у кого не осталось сомнений: отец настоящий.

Вышел на остановку заранее. Не люблю выходить прямо перед работой и ловить эти взгляды сотрудников, что приезжают на своих машинах. Они смотрят на меня как на неудачника, за которым стоит мать, а не взрослый мужчина со своим мнением.

У входа со стороны кафе сотрудники уже выставляли свежесдобитые пончики и кексы. Утром у них мало посетителей, а вот через час уже набегает все, кто не успел утром нормально позавтракать. Как обычно, я встретил босса на повороте. Он с небывалой печалью смотрел в сторону выпечки, что манила всех вокруг своим пряным запахом.. Он шёл пешком только потому, что жена заставила его каждый день ездить на велосипеде. Он и так толстый. Не знаю, как можно так издеваться над человеком. Он начал брать с собой сменную одежду и принимает душ в офисе. И всё ради того, чтобы сбросить то, что за день компенсирует пончиками. Эта война идёт уже полгода. Весь штат гадает, кто победит: желание жены сделать мужа стройнее или его прожорливый

аппетит. А мы, как историки этой войны, ведём свой отчёт и переговариваемся. Со мной никто не переговаривается кроме Генри. Я просто слышу сплетни, что облетают офис. Будто все тяжкие дела тут не имеют значения по сравнению с войной начальника и его жены. Он не был строгим руководителем. Скорее клоуном, на которого больно смотреть. Но даже он умудрялся надо мной шутить и стебать. Когда я сюда пришёл, думал, что школа останется позади. Но стоило матери один раз тут появиться, как внимание сместилось с начальника на меня. Эта война с его женой глоток свежего воздуха, которого я давно не чувствовал. Все на время забыли про меня. Я даже стал немного радоваться тому, что жена заставляет его делать. Но даже при всём этом он держится. До тех пор, пока за спиной не начинают обсуждать и если честно я не понимаю почему они еще не развелись.

Медленно прошёл через главный вход. Белая мраморная плитка в вестибюле, небольшой фонтан по середине зала, цветы у окон. После жары прохлада от вечно работающего кондиционера, и сладкий запах цветов встречает прямо у входа. Я сразу словил на себе причудливые взгляды у ресепшена. Не стал встречаться взглядами, поздоровался и пошёл дальше. В ответ ничего. Но я уже привык. Главное, быть вежливым. Так говорит мама.

Я работал в паре с одним из лучших адвокатов офиса. Его звали Генри. Он был бывшим следователем, но после долгой службы ушёл в адвокаты и обрёл славу человека, который

может вытащить любого. Только там, где видел невинного. Ну или, как он сам любит всем говорить, про его чутьё следователя, которое помогает увидеть правду. Для меня он был кем-то вроде кумира, на которого хотелось ровняться. Широкие плечи, прямая осанка, массивные руки. Волосы тёмно-каштановые. Самодостаточный, с идеальной репутацией, спортивный. Даже в сорок пять он всё ещё выглядел атлетом. Он надел тёмно-серый костюм, купленный в Jos. A. Bank ещё в тот год, когда с него сняли погоны. Хорошая шерсть, которая сидела по фигуре так, как когда-то сидела форма. Пиджак он не расстёгивал до самого заседания. И всегда со всеми, даже со мной, был добр и терпелив. За это его весь офис любил. Именно он взял меня под крыло, как только я сюда попал. До сих пор не понимаю, что он во мне нашёл. Я не успел зайти в свой мини-кабинет, как он сразу меня окликнул.

— Доброе утро, Ричард. Сегодня нужно подготовить информацию по делу женщины, что убила сына, но тело так и не нашли как улику. Прошу, собери всю доступную информацию. Жду документы после обеда.

— Как скажете, сэр.

Вот чёрт. Я забыл заехать в полицейский участок за документами. Придётся опять ехать на автобусе. Как же неудобно жить без машины. Но мама всегда говорила, что машины это опасно. Поэтому я так и не сдал на права в свои двадцать восемь. Успев только заварить кофе, я сразу поехал в

участок. Эх, придётся выходить из этого прохладного офиса прямо в раскалённую жару. И зачем только я ношу этот костюм. Дешёвый, серый, он давно потерял форму, но другого у меня нет. Закинув сумку на плечо, я торопясь спустился с лестницы и вышел на улицу. Солнце било прямо в лицо, не давая нормально открыть глаза. Нервно мигая, пока глаза привыкают к свету, я шёл на остановку. Пока сидел на остановке, дожидаясь автобуса, я заметил, как соседка матери идёт в сторону дома. Кэтрин. Русые длинные волосы, стройная фигура, но с весом, который её не портил. Она была старше меня на шесть лет. Разгульная. Со старшей школы попала в плохую компанию, и с тех пор про неё ходят не очень приятные слухи, которые мне рассказывала Эйприл. Мама тоже говорит держаться от неё подальше. Когда я ещё жил у матери, моё окно в спальне выходило прямо на её комнату. Я часто за ней подглядывал. Подумал о том, какая она красивая. Засмотревшись на неё, совсем забыл, зачем вообще сижу на этой остановке. Достал дневник, чтобы записать дела, что мне сегодня нужно сделать. Заехать в участок за архивами той женщины, что просил Генри. Как он сам говорил, хоть у меня и проблемы с памятью, я нахожу в делах детали, которые помогают раскрыть дело или собрать пазл, что лежит у Генри в голове. Именно вместе мы закрыли кучу дел в пользу наших обвиняемых. Ну как минимум семь дел точно было.

Ах да, забыл сказать: наш город давно прославился тем,

что тут исчезают люди. Кто-то говорит, что орудует картель, кто-то, что серийный маньяк. Совсем отчаянные твердят про НЛО, что забирает людей на опыты. Кто прав, а кто сказочник, город ещё не узнал. Эта тайна с каждым годом всё сильнее выжигает тех, кто давно тут живёт. Когда приезжие спрашивают об этом, у местных вместо страха только закатываются глаза. Одни и те же тупые вопросы будоражат умы тех, кто попадает в этот город.

Приехал в полицейский участок. Стеклянная дверь. Рамка металлодетектора. Запах стали от решёток. Лавка, на которой собрались все отбросы общества. От бомжей и наркоманов до воришек и дилеров. Ненавижу сюда ездить. По мне, в полиции работают одни бывшие школьные задиры. Такое чувство, что туда таких и набирают. Пафос и власть, что даёт полиция, сразу кружат голову любому нечестному человеку. Это видно по презрительным взглядам, что я всегда на себе ловлю. Сегодня вместо мерзкого толстяка была приятная спокойная девушка. Но даже в её взгляде читалось: «Уйди от меня поскорее, пожалуйста». Неужели моя компания хуже, чем у наркомана и бомжа? Сразу вспоминаю слова матери: не важно, как на тебя смотрят и как с тобой говорят. Главное, кто ты и кем себя считаешь. Эти слова мать заставляла повторять с детства. Они стали мантрой, что давала силы вставать по утрам и ловить презрение во взглядах и ответах. Но работа явно не для меня. Хотелось бы самому выбрать, чем заниматься. Но, видимо, не в этой жизни. Или пока жи-

ва мать.

— Добрый день. Я помощник адвоката Генри. Мне нужно получить материалы по делу Нэнси Питерсон.

Чуть удивившись, она спросила:

— Ого, Генри будет её защищать? Она же на голову поехавшая.

— Она не виновна. Генри не берётся за дела убийц. Он помогает только невиновным, — тихо и неуверенно ответил я.

— Можно, пожалуйста, ваше удостоверение или доверенность?

Передал ей документы на сверку.

— Сейчас всё вам принесу, ожидайте.

Через двадцать минут я получил документы и отправился обратно в офис. Времени на подготовку оставалось мало. Придётся сегодня опять задержаться на работе. Очень некстати, учитывая вечерние планы. Хотелось быть бодрым к ночи, чтобы доказать всем: я не псих и отец реально существует. То, что происходило в путешествиях, сложно забыть или придумать даже детскому разуму. Но как только я в детстве поднимал тему отца, мать сразу вела меня к психологу, и меня пичкали таблетками. Я до сих пор их пью. Впервые это случилось, когда мне было шесть. Я был дома один, мать работала до утра. Тогда и пришёл он. Луч света залил квартиру. Я тогда уже спал. На лужайке за домом оказался человек в скафандре. Он представился моим отцом, космо-

навом, у которого очень важное задание. Он не может никому ничего рассказывать, но может навещать меня на день рождения. Мы улета́ли путешествовать по земле, потом по космосу, планетам, спутникам. Это было незабываемо. Но после того, как мне стукнуло двадцать семь и я переехал в свою квартиру, отец стал приходить раз в месяц по ночам. Только теперь всё было будто не по-настоящему, как во сне. Всё, что происходит в этих путешествиях, я помню расплывчато. Завтра у меня день рождения, и есть большой шанс, что он придёт сегодня ночью. Но в этот раз я попробую всё заснять на камеру и не спать всю ночь, чтобы голова была ясной. Даже таблетки, что мне прописывают, пить не буду.

В глазах всё потухло. Тело ещё что-то чувствовало, но потом наступила кромешная тьма. Через мгновение, как только в этом мраке блеснул свет, я открыл глаза. И уже был в офисе. За своим столом. Даже не осознал, как тут очутился. Но за двадцать восемь лет я привык. Главное, что за это время со мной не произошло ничего плохого. Иначе я бы не смог жить один. В этот момент Генри зашёл в кабинет.

— Как продвигается работа?

— Уже хотел вам отнести документы по делу. Выделил главные моменты и узнал немного о том, как там относятся к нашей подозреваемой. Если честно, всё не очень. Я немного удивлён, что вы взялись за это дело.

— Не переживай, Ричард. Моё чутьё и твои навыки нас ещё не подводили. Главное, верить в то, что ты делаешь.

— Как скажете, сэр.

Передав папку с документами, что собрал за день, я даже не понял, как выполнил половину работы. Перечитав, увидел, что подметил всё точно. Выделил только то, что поможет Генри понять: дело проигрышное. Хотя я и заступился за него в полиции, прочитав всё, понял это окончательно. Такая уверенность у него неспроста. Возможно, у него есть план, о котором я ещё не догадываюсь. Улик нет вообще. В тот день дома были только мать и сын. Исчезновение невозможно: дом с сигнализацией и защитой. Но охранная система была отключена изнутри дома. Остаётся одно: мать что-то сделала с дочерью и хорошо прячет тело. Сама мать от горя тронулась. На допросе она только и говорит про яркий столб света и пришельцев, что похитили дочь. Всё сходится к тому, что она отправится в психушку до конца дней. Может, Генри просто стало её жаль, вот и взялся. А мне пора готовиться к вечеру. Сделав записи в дневнике, я сразу поехал на автобусе к матери. Солнце уже заходило. По небу разливался розовый закат, наполненный синим, словно блёстки. К матери отправился уже в 19:30. Как обычно, заехал в магазин за её любимым мороженым, что она покупала себе в детстве. Со временем, когда я поступил в университет и денег было мало, пообещал себе помогать и напоминать ей, что её время и силы ушли не впустую. Единственной опорой для неё всегда был я. Отца никогда не было рядом, жить было сложно, но мать старалась заменять и его. Вот я и на месте.

Улица почти пустая. Старые дома стоят тихо, как будто тоже устали за день. В окнах кое-где горит тёплый свет. Запах как звук доносился из окон и манил мой голодный желудок. Где-то далеко приглушённо играла музыка по радио. Эх, вот он. Дом детских травм и воспоминаний. У неё совсем нет друзей и знакомых. От неё, наверное, и пошла эта замкнутость. Но не мне судить. Я открыл дверь своими ключами.

— Ох, кто пожаловал ко мне! Что-то ты совсем поздно, на пятнадцать минут опоздал.

— Да, мам, прости, чуть задержался в магазине.

— Опять, наверное, мямлишь с продавцами и не знаешь, что сказать. Двадцать восемь, а ты всё такой же ребёнок.

— Не мямлю я. Уже с восемнадцати лет. Ты всё не можешь разглядеть во мне взрослого.

— Мать всегда будет видеть в сыне ребёнка. Не учи старших жизни. Иди лучше за стол, садись. Я тебе покушать приготовила и подарок передать хотела.

— Я тебе тоже с подарком.

Она медленно встала и ждала, пока я подойду, обниму и поцелую. У неё были бордовые волосы, у корней уже проби- валась седина. Уложены аккуратно, как в молодости, когда она ещё следила за модой. Она носила платья, которые пом- нила с юности: тёмные, с длинным рукавом, с небольшим во- ротничком. Плотная ткань, никаких цветов. Всё чистое, вы- глаженное. Даже с больной спиной она держала осанку. От неё всегда пахло лавандой. Я показал пакет с мороженым,

обнял, поцеловал и передал заветный пакет счастья. Она, как всегда, была рада и сразу понесла его в морозилку. Любит прямо твёрдое мороженое. Ей было пятьдесят семь. Из-за грыжи и проблем со спиной она давно на пособии по инвалидности. Мне пришлось рано выйти на работу и совмещать её с университетом. В какой-то момент я заменил маму, и приходилось жить на износ. До сих пор не понимаю, как выдержал. Сейчас, как никогда, передо мной открылся горизонт нормальной жизни. Я живу один, работаю почти только на себя, и свободного времени много. Только как человек без хобби и интересов я просто пустышка, живущая работой и матерью. Когда это понимаю, меня кидает в дрожь.

Мы сели ужинать, и я, как обычно, рассказывал про работу. Да, я говорил ей то, что нельзя рассказывать никому. Кому она передаст детали дела? Мне больше некому было всё это выговорить. И она любила истории про уголовные дела.

— Да ужас. Эта женщина, у которой пропал ребёнок, а её ещё и хотят в психушку отправить как преступницу. В какое ужасное время мы живём: кругом бандиты, картель, наркотики, оружие. Хорошо, что мой сын не такой, — с теплом в глазах смотрела она, как я ем.

— Да, мам, ты же меня воспитывала, — продолжая жевать, отвечал я.

— Ты не торопись. Голодный, что ли? Совсем не кушаешь на работе?

— Нет, мам, я питаюсь хорошо, не переживай за это.

— А к доктору так и ходишь раз в неделю?

— Да, мама, каждую среду.

Может, перед днём рождения она ответит честно. Каждый год спрашиваю, и каждый раз мы почти ссоримся, но ответа я так и не нахожу. Даже когда сам поднимал дела через полицию, точного ответа не нашёл.

— Слушай, мама, я уже достаточно взрослый и хочу знать ответ...

Она не стала дослушивать.

— Даже не смей спрашивать про него! Я отвечать на этот вопрос ни за что не буду, — на высоких тонах ответила она.

— Тогда я не буду приезжать к тебе по понедельникам.

Сказав это, я встал и ушёл, не забрав подарок и куртку, что оставил висеть у неё. Впервые в жизни я не понял, как всё вышло само собой. Я ответил матери первым и ушёл сам. Меня чуть трясло. Дошёл до остановки, сел на последний автобус и поехал домой. Сам найду ответ на вопрос, на который не хочет отвечать мать.

Глава 2. Тайна матери

Ехал по ночному городу в автобусе. В салоне стоял едкий запах духов, по аромату отдавал кокосом. Как же я не люблю этот запах. Прикрыв нос рукавом пиджака, откинув чуть

голову, задумался снова о том, что было сегодня вечером у матери. Мне двадцать восемь, а я впервые ответил за себя как мужчина. Ну и стыдно же от осознания всего этого. Как же я всё-таки жалок. Но только одно меня сегодня хоть как-то могло обрадовать. Дело, что я тайком взял домой с работы. Ну как тайком. Генри делает то же самое, поэтому разрешил и мне.

Можно сказать, даже мини-хобби доказывало, что я не сумасшедший. Странная ирония в моей жизни, но что поделать. У меня и вправду с детства не особо много увлечений. Комиксы мама не разрешала читать. Сериалы и фильмы только с её разрешения. В спортивные секции она боялась меня отдавать. А всё остальное мне не нравилось. Не удивительно, что работа стала для меня увлечением. Возможно, оно к лучшему. Такой чудак, как я, непонятно чем бы занимался. Мать как знала, куда меня устроить. И ведь не поспоришь. Зря я так психанул. Возможно, ей сложно слушать про отца. Неизвестно, что он там натворил. Все вопросы про мать, когда мы путешествовали, он старался переводить. А когда я повзрослел, он почти перестал говорить. Он никогда не снимал скафандр, так что за все эти годы я даже не узнал его лица. Многие скажут, что это странно. Но в детстве он называл моё имя, имя матери и знал, какой торт у меня самый любимый. И с детства я доверял всему, что он говорил. Просто это было редко, раз в год. Поэтому спорить или как-то обидеть его я боялся. И никогда с ним не спорил.

Автобус остановился. Я ринулся к выходу первым, чтобы скорее вдохнуть свежий вечерний воздух. Надеюсь, духи не впитались в пиджак. Людей мало. Все идут домой после работы, и никто ни на кого не смотрит. Дорога спокойная. Мандраж после ссоры с матерью утих. Наконец могу думать о сегодняшнем вечере. Домик мой уже показался. Одноэтажный, чуть потрёпанный. Раньше тут жила небогатая семья. Продали дом и уехали на ранчо к дальним родственникам. На большее мы с матерью так и не заработали. А жить с ней я больше не мог.

Завтра нужно встать пораньше. Я забыл куртку, а в ней пропуск. Без него не смогу нормально работать. Открыл квартиру. Как и в любой другой день, абсолютная тишина. Никто не ждёт, не обнимает при встрече, не готовит ужин. Всё это делала мать, но мне, двадцативосьмилетнему девственнику, не хватает нормальной девушки, которая бы ждала меня. Может, когда вытащу язык из задницы, смогу признаться Эйприл. В этом одиночестве были плюсы. Жизнь одному, без матери, что вечно насаждает и учит жизни.

Сходил в душ, разогрел еду, что передала мама, включил телевизор. Хотя я и злюсь на мать, но готовит она невероятно. К дню рождения приготовила мою любимую лазанью. С мясом, грибами и сыром. Квартира маленькая, но для одного человека в самый раз. Мебель потрёпанная, ещё не успел купить новую. Раньше у хозяев была собака, на диване кучу следов зубов этой псины. Их несколько раз зашивали, но со-

бака не сдавалась. Один стоячий ночник в зале и маленький стеклянный квадратный стол возле дивана. В вечерних новостях опять пропал человек. Переключил на другой канал, а там передача про НЛО. Решил оставить. А что ещё? Хоть я с детства и летал с отцом, спрашивал, встречал ли он другие расы, но за столько лет он так и никого не встретил.

Доедая лазанью, начал готовить аппаратуру. Закупить камеры на каждую комнату я не смог. Хватило только на гостиную, спальню и кухню. Ещё я смог подключить дверную камеру. Наверное, во всём этом я больше всего боюсь доказать себе, что сумасшедший, чем то, что отец реален. Поначалу, как я уже говорил, он брал меня раз в год, на день рождения или после. Мы просто летали, выходили в открытый космос. Но как только мне стукнуло семнадцать, он начал брать меня на задания. Найти, собрать образцы с планеты, закопать капсулы, очистить территорию. Чем старше я становился, тем расплывчатей всё это казалось. После вообще начало приходить обрывками, и все полёты с ним я помнил плохо. Примерно с двадцати пяти это началось, а после переезда усилилось, и он стал приходить чаще.

На часах было половина двенадцатого. Сегодня не стал принимать лекарства. Они всегда меня вводят в сонное состояние. Сделал себе кофе на всякий случай. Может, поможет выждать. Но как только стукнула полночь, ничего не произошло. Я прождал ещё час. Всё так же глухо. Понемногу я начал верить, что всё это время отец был нереален и

походы к психологу мне нужны. Но где-то глубоко всё ещё надеялся, что всё это правда. Только не знал, что я себе хочу доказать. Что я не псих и все вокруг были не правы? Или что у меня есть живой, настоящий папа, который по-своему заботится обо мне?

Лёг спать, камеры оставил включёнными. Заснул не сразу. Долго ворочался и не мог найти место. Кофе был всё-таки лишним. Как только сон слегка начал виднеться, под яркой вспышкой снова очутился на корабле отца. Даже не помню, как сел к нему. Мы только пролетали Луну, а я уже был одет в костюм и скафандр. Потом резкий переход. В глазах как обычно всё потемнело, и только мелкие кадры, как обрывки воспоминаний, всплывали перед глазами. Как провал в памяти. Вот мы на Венере, вот летим возле Юпитера и собираем данные с его спутников. Потом я оказываюсь на Марсе, и там, как обычно, мы закапываем капсулу времени, что оставляет отец в надежде найти другую расу. Да, на Марсе раньше жила продвинутая раса. Из-за непригодности планеты им со временем пришлось её покинуть. Отец оставляет капсулы. Если они придут на эту планету, то сразу выпустят залп, как салют, чтобы он нашёл их и связался с ними. Отец долгие годы ищет разумную цивилизацию, что достигла полётов в космос. Но кроме паразитов и странных животных пока ничего не нашёл.

Проснулся я, не заметив, как оказался дома в своей кровати. Утро встретило тишиной, будто ночь стёрла саму себя.

На телефоне мигали цифры, как чужие следы. Хорошо, что камеры я оставил включёнными и всё смогу доказать. Первым делом ринулся проверять камеру, смотреть запись. Но её не было. Вот же чёрт, как такое могло быть? Я же включал камеры. Задумчиво уставился в потолок. Точно вспомнить не могу. Вроде я включал. Но почему записей нет ни на одной камере? Ничего не понимаю. Всё вышло так тупо. Если я и вправду забыл включить эти долбанные камеры, то это лишний раз подчёркивает, что я не могу жить один. Неужели мать и вправду права на мой счёт? От злости пнул штатив, что держал стоящую камеру. Она сразу полетела на рядом стоящую кровать. Повезло, что не разбилась.

Чуть не забыл: мне ещё нужно к матери за курткой. В спешке начал собираться, совсем на меня не похоже. На часах было уже двадцать минут девятого, а на работу к девяти. Я меньше всего люблю приходить последним в офис и ловить эти взгляды коллег. Собрался, не успев умыться и почистить зубы. Заметил, что на столе в гостиной лежала детская ручка. Не помню, чтобы у меня такие были. И как она вообще тут оказалась? Дома никого нет, кроме меня. Завтракать на первом перерыве, куплю пончики в кафе. Поехал сначала к маме. На часах было уже без двадцати девять. Она стояла на улице с моей курткой в руках. Она всегда любила отчитывать меня на людях, чтобы мне было ещё позорнее. Время шло, а это осталось при ней.

— С днём рождения тебя, — она подошла, обняла, пере-

дала куртку. Под ней была маленькая коробка с подарком.

— Прости меня за вчерашнее, — сразу сказал я.

— Не переживай, сегодня приезжай ко мне, я тебе отвечу на твой вопрос. Ты уже взрослый и должен всё знать.

Ого, чтобы она извинилась. Её что, подменили? Но я и так опаздываю, так что лучше время не терять. Из-за суматохи я даже забыл про свой день рождения.

— Хорошо, но я уже опаздываю. Побегу, обязательно заеду, — обняв её, сказал я и сразу побежал на остановку. Автобус уже набирал пассажиров. Повезло, что не пришлось ждать. Время было уже ближе к девяти. Голова немного болела, и я решил уделить время записи в дневник. Первое, что я увидел, было сильно обведено. Так, что на нескольких страницах остались следы. «Он не твой отец».

По телу импульсом пронеслась тревога, от холодного пота до мурашек. Я не помню, чтобы оставлял эту запись. В том, что я помню, ничего тревожного и страшного не происходило. Но почему меня пробило на такой страх? Двери открылись, и голос объявил мою остановку. Я сразу выскочил и быстро побежал на работу, чтобы хоть на несколько минут уединиться и обдумать всё, что со мной происходит. Повезло, что не попался. Генри уже сидел у себя в кабинете, а передо мной лежал открытый дневник с той записью. Я прокручивал всё, что помнил о вчерашнем вечере, но ничего из того, что было дома, не помнил. В этот момент в кабинет вошёл Генри. Я сразу закрыл дневник и убрал под ноги. В

этот же миг в кабинет зашла куча коллег и босс с тортом и поздравлениями: «С днём рождения!»

Совсем не кстати всё это. Дайте мне просто побыть одному.

Кабинет был маленьким. Не все зашли. Босс стоял в коридоре, боялся из-за своих габаритов уронить торт. По взгляду читалось, что он еле держит себя в руках и чуть не пускает слюни. В кабинете только стол и кресло. Больше туда ничего не помещается. Как только все вошли, я спрятал фото своей матери, чтобы не напоминать всем, из-за чего я такое посмешище в глазах коллег.

— Спасибо большое, — ответил я.

Генри сразу подошёл и чуть отвёл меня в сторону.

— С тобой всё хорошо? А то ты какой-то замученный. Вот, кстати, от меня подарок, — он передал коробку с часами.

— Ого, они, наверное, дорогие.

— Даже не думай отказываться. Как только станешь адвокатом, такие покупки будут нормой.

— Спасибо большое, сэр.

— Можешь сегодня идти домой. Я вижу, какой ты усталый. Да и кто тебя тут в день рождения будет держать.

Недолго думая, я согласился. Попрощался со всеми, ещё раз поблагодарил и сразу отправился к матери узнать тайну, что не давала покоя все эти годы. Потом будет время разобраться со вчерашним вечером и записью в дневнике. Нужно

немного прийти в себя, чтобы не показаться матери странным. А то опять начнёт думать, что отец ко мне приходит. Садясь в автобус, я решил снова уделить время чтению. Пришлось листать кучу страниц: слишком много раз было написано «Он не твой отец». Записи про рисовались на шесть страниц. Теперь у меня чуть обрывистый дневник, а я это не люблю. Но всё же, нехотя, записал сегодняшний день и что случилось. Убрав дневник, начал разглядывать пейзажи через окно автобуса. Понемногу в глазах начало темнеть. Пустота. Как щелчок, и я, сам не понял как, оказался у порога маминого дома. Опять провал. А чего удивляться? Ты же не пил вчера таблетки.

Открыл дверь, но мать не стояла, как обычно, у входа и не ждала меня. Видимо, не ожидала, что я приду с работы так рано. Пройдя в квартиру, я окликнул её.

В доме играла её любимая группа The Flamingos, песня I Only Have Eyes for You. Эту песню она любила слушать по многу раз, так сразу можно понять, что у неё сегодня хорошее настроение. И мне эта песня тоже очень нравилась. А то после вчерашнего я ожидал совсем другой атмосферы дома. Дома всё как обычно. Мебель старая, вся в чехлах. Чтобы не дай бог не запачкать её винтажный бархат. Вышел чуть ближе к залу. На стене фотографии. Я в разные промежутки времени, от школы до университета. Фотографий других родственников, кроме меня и мамы, нет. Да и мама мало что рассказывала про свою семью. За столько лет к ней никто не

приезжал. Из кухни донёсся её голос:

— Проходи, я тут, на кухне, — спокойным тоном крикнула мать.

Повесил куртку, оставил сумку при входе и, не торопясь, разглядывая квартиру, зашёл на кухню. Там с лёгкой тревогой во взгляде сидела мать.

— Всё хорошо? — спросил я.

— Присаживайся, сынок, — ответила тихо она.

— Я думаю, ты должен знать правду о своём отце. Ну или вообще о родителях. В два года я забрала тебя из детского дома и растила как родного. К сожалению, за всю жизнь я так и не нашла своего идеального мужчину.

Если честно, мне всегда немного казалось, что я ей не родной сын. Мы не были похожи ни одной чертой. Честно, не знаю, чем этот день может меня ещё удивить.

— Я думаю, ты хочешь знать правду о своих настоящих родителях. Но надеюсь, ты и дальше будешь меня любить.

Она всё это время скрывала правду и, по сути, была мне не родным человеком. Но это не отнимет воспитания и сил, что она в меня вложила. По виду было видно, что она волнуется и ей это тяжело даётся. Такой я её не видел со времён моих проблем с головой. И как так резко в квартире поменялась атмосфера? На тревогу. Даже она начала чуть нервничать, подёргивая ногой.

— Не переживай, для меня ты мама, которая воспитала и вырастила. Сказав это, взял её за руку и почувствовал, что

от стресса она была немного вспотевшая.

По её глазам медленно потекли слёзы.

— Рада это слышать, сынок, — она вытерла слёзы и продолжила. — Твои биологические родители умерли в пожаре. Спасти смогли только тебя, и то чудом. Когда мне рассказали эту историю, сразу тебя забрала. Думала, эта тема никогда не всплывёт, но ты рос, а вопросы продолжались.

Вот это новости. Сегодняшний день с каждым часом набирал обороты, за которыми я уже не успевал. Честно, даже не знаю, что обо всём этом думать. Мать всегда была мне и матерью, и отцом. Любила, заботилась. Да, у неё были перегибы, но, учитывая, кем я стал, она точно никогда не желала мне зла. На кухне повисла тишина. Мать залилась слезами. Я встал, подошёл и обнял её, пока она сидела и тихо плакала.

— Всё хорошо, мама, не переживай. Я всегда любил тебя и буду любить, невзирая на то, родная ты мне мама или нет.

Нужно было как-то сменить тему разговора. В такой обстановке тяжело находиться и думать. Но до конца вечера мы просидели молча. Просто смотрели друг на друга, держась за руки. Она всё пыталась успокоить слёзы после того, как отпустила груз, что давил на неё всю жизнь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.